

80-летию Победы посвящается...

**(Воспоминания ростовчан
о Великой Отечественной
войне)**

Презентацию подготовила
ученица 9 класса «А»
МБОУ СОШ №94
Голофаст София.
Руководитель : Олейник Н.В.,
учитель информатики

ДЕТИ - ГЕРОИ ВОЙНЫ

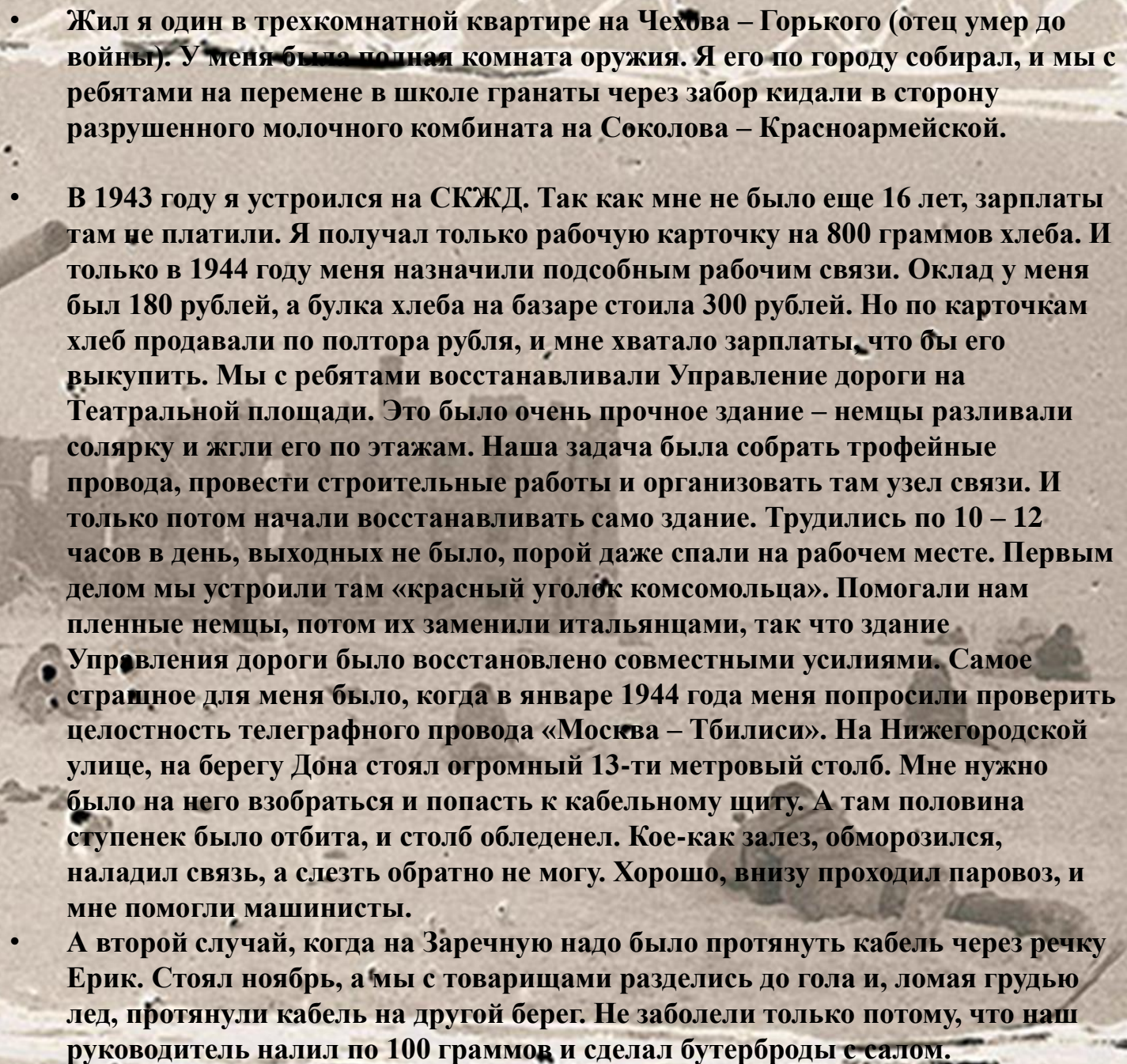
За работу нам давали карточку на 400 граммов
хлеба.

Игорь Дмитриевич БАЧУРИН, 1928 года
рождения:

- Когда началась война, мне было 12 лет. Во время обеих оккупаций у меня очень тяжело болела мама и в октябре 1943 года умерла, поэтому после освобождения Ростова я вынужден был пойти работать. Мне было 14 лет. Восстанавливали мы мебельную фабрику Урицкого на Красноармейской - между Семашко и Соборным, делали минные ящики для наших войск под Таганрогом. За работу нам платили и давали карточку на 400 граммов хлеба.

-
- Жил я один в трехкомнатной квартире на Чехова – Горького (отец умер до войны). У меня была полная комната оружия. Я его по городу собирал, и мы с ребятами на перемене в школе гранаты через забор кидали в сторону разрушенного молочного комбината на Соколова – Красноармейской.
  - В 1943 году я устроился на СКЖД. Так как мне не было еще 16 лет, зарплаты там не платили. Я получал только рабочую карточку на 800 граммов хлеба. И только в 1944 году меня назначили подсобным рабочим связи. Оклад у меня был 180 рублей, а булка хлеба на базаре стоила 300 рублей. Но по карточкам хлеб продавали по полтора рубля, и мне хватало зарплаты, что бы его выкупить. Мы с ребятами восстанавливали Управление дороги на Театральной площади. Это было очень прочное здание – немцы разливали солянку и жгли его по этажам. Наша задача была собрать трофейные провода, провести строительные работы и организовать там узел связи. И только потом начали восстанавливать само здание. Трудились по 10 – 12 часов в день, выходных не было, порой даже спали на рабочем месте. Первым делом мы устроили там «красный уголок комсомольца». Помогали нам пленные немцы, потом их заменили итальянцами, так что здание Управления дороги было восстановлено совместными усилиями. Самое страшное для меня было, когда в январе 1944 года меня попросили проверить целостность телеграфного провода «Москва – Тбилиси». На Нижегородской улице, на берегу Дона стоял огромный 13-ти метровый столб. Мне нужно было на него взобраться и попасть к кабельному щиту. А там половина ступенек было отбита, и столб обледенел. Кое-как залез, обморозился, наладил связь, а слезть обратно не могу. Хорошо, внизу проходил паровоз, и мне помогли машинисты.
  - А второй случай, когда на Заречную надо было протянуть кабель через речку Ерик. Стоял ноябрь, а мы с товарищами разделись до гола и, ломая грудью лед, протянули кабель на другой берег. Не заболели только потому, что наш руководитель налил по 100 граммов и сделал бутерброды с салом.

BORODULIN'S
COLLECTION

Мы плакали, чтобы немцы не сожгли нашу школу.

Людмила Александровна РУДЕНКО, 1934 года
рождения:

- Мы жили на Семашко, 42. Рядом штаб был немецкий, где кинотеатр «Победа», он тогда «Руж» назывался. В Батайске стояли наши и стреляли по этому штабу. Страшно так было! Обычно мы сидели в подвале на Семашко, 44. Там были две громадные комнаты, в которых со всего района собирались люди и прятались, потому что сверху было надежное перекрытие. А однажды в наш двор попал снаряд и не разорвался. Когда пришли его разминировать, оказалось, что там был песок и написано: «Чем можем – тем поможем». Такие снаряды делали русские, которые были в плену у немцев и работали.
- В здание городской администрации попало 26 бомб – взрослые считали. У нас мужчины дежурили по очереди и знали, кто из двора выходил, кто вернулся, что происходит. А когда была тревога, детей не выпускали

А вот учиться нас взрослые заставляли даже при немцах. Они дважды занимали Ростов и второй раз были в городе почти год. Не знаю, как на окраинах, но мы занимались в развалинах. Я начинала в 37-й школе на Соборном рядом с почтамтом, но туда попала бомба. Напротив было какое-то здание с большими комнатами – туда мы приходили учиться и приносили с собой по полену для печки-«буржуйки». Я, наверное, раз пять начинала учиться в первом классе.

Мы не были беспризорными. Нас все время собирали, лишь бы дети нигде не болтались. В полуразрушенном Дворце пионеров на Газетном был большой зал – там мы босиком занимались балетом, акробатикой. Мы собирали все время бутылки по дворам, по квартирам брошенным лазили. А потом взрослые их сдавали – в бутылки наливали зажигательную смесь.

Когда немцы отступали, поджигали дома. И учительница в 33-й школе нам сказала: «Сейчас немцы приедут. Давайте выйдем и будем плакать, что бы школу не трогали». Они подъехали на мотоцикле с люлькой, а мы построились и зарыдали так сильно, что немцы школу не тронули.

Когда немцы ушли второй раз в 1943 году, началась восстановление Ростова. На Садовой от вокзала до Буденовского стояли одни «скелеты». А на одном здании (там раньше был строительный техникум) над входом было крупно написано: «Мы возродим тебя, родной Ростов!». Я запомнила это на всю жизнь.

Много зданий восстанавливали немцы. А нас, детей, посылали кирпичи разбирать уже там, где взрослые поработали, что бы ничего не обрушилось. Такой был энтузиазм у всех!

А потом, когда пришли наши, мы с девчонками ходили в госпиталь на Пушкинской и Газетном. Взрослые давали нам по рублю, а мы на них покупали конфеты – тянучки покупали, кусочки макухи или папиросы в госпиталь носили. Нас пускали, и в каждой палате по очереди мы показывали спектакль. «Кто в теремочке живет». Раненые нас очень хорошо встречали. В госпитале не хватало кроватей, а в городском саду была артиллерийская школа, разрушенная во время войны. Так вот мы оттуда таскали кровати.

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

- Ростов оправился после войны, только когда набережную сделали. Раньше ведь там была железная дорога, склады. В детстве, помню, баржи причаливали, продавали рыбу, зерно. А после войны из набережной сделали украшение. Каждый житель города должен был по 20 часов там отработать.

Сквер у дома книги – это братская могила
Михаил Алексеевич ВДОВИН, 1930 года
рождения:

- Мне было 13 лет, когда освободили Ростов. Сразу же после этого появились объявления о наборе учеников в сапожную мастерскую. Была такая артель «Восток» на углу Пушкинской и Доломановского. Там я познал азы этого дела и устроился в военный госпиталь на углу Буденовского и Пушкинской. Работал в сапожной мастерской – ботиночки ремонтировал солдатам, которые потом ходили по военным дорогам.
- Одновременно учился в средней школе с пятого по седьмой классы. У нас занятия были в третью смену – с четырех часов. То есть я имел возможность работать с восьми утра до двух часов дня, при этом получая рабочую карточку – хлебную, продуктовую и промтоварную. А после работы шел в школу.

БЕСПОЩАДНО
РАЗГРОМИМ
И УНИЧТОЖИМ
ВРАГА!

КУКРЫНИКСЫ-41.

Жил я на Новом поселении в Братском переулке между нынешними улицами Варфоломеева и Катаева, участвовал в субботниках и воскресниках по разгребанию руин. В основном это были жилые здания в центральной части города – Садовая, Буденовский. По всему городу мы находили и оружие, и останки. Вы знаете, что скверик у Дома книги на углу Буденовского и Садовой – это братская могила? На этом углу находился главный ростовский предвоенный универмаг, его называли «Черный магазин». Внутри он в черную краску был покрашен, а под ним были большие подвалы, где располагались танцевальные классы. Во время войны их использовали как убежища. Поскольку Ростов с 8 по 22 июля 1942 года ежедневно по два-четыре часа в день варварски бомбили, люди все время прятались. 17 июля один из бомбардировщиков накрыл перекресток Садовой и Буденовского: загорелось помещение нынешнего универмага, где была библиотека университета (она почти вся погорела), и до основания был разрушен «Черный магазин». Люди, которые находились в подвалах, оказались засыпаны. Сколько сот человек там погибло, неизвестно – развалины убрали только сверху...

БЕЙ НАСМЕРТЬ!

- Я отношусь ко второму поколению юных железнодорожников и после войны принимал самое активное участие в восстановлении детской железной дороги в парке Островского. Она была построена в 1940 году, а во время войны целиком разрушена. Когда немцы отступали, взрывали каждый рельс, и что бы восстановить пути на важных направлениях, наши потом разобрали детскую железную дорогу. Ее первая очередь была пущена только в 1946 года, а в полную силу она заработала спустя два года.

1945

Лекции писали в учебниках между строчек...

Мария Ивановна БОРИСЕНКО, 1925 года

рождения:

- Я с 1943 года в Ростове – как только его освободили, приехала из села Самарского поступать в Ростовский речной техникум. Приемная комиссия была на Седова, где мореходное училище. Мы восстанавливали это здание, кирпичи таскали, закладывали проемы, дыры. После учебы, по субботам и воскресеньям восстанавливали вокзал, железную дорогу, кузнечный цех на «Ростсельмаше», рыли окопы. Война-то продолжалась...

**ФАШИЗМ –
ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ
ЖЕНЩИН.**

ВСЕ НА БОРЬБУ С ФАШИЗМОМ!

Мы жили в общежитии на 1-й линии. Во время войны там румыны находились. Стены были разбиты, поцарапаны, глупости написаны. Нам выдали по одеялу солдатскому, вместо столов были подоконники. Лекции писали в учебниках между строчек, спали на полу на матрацах, света не было – вместо этого масляные коптилки из гильз.

- Было трудно, но весело. Мы устраивали вечера под патефон, в «почту» играли: в большом зале собирались, делились на две группы, и парни посылали девушкам записки. Я на такой «почте» познакомилась со своим будущим мужем. В 1945 году мы поженились после победы над Японией. А с 1947 года у меня пошел трудовой стаж. Я работала в тресте «Кавсантехмонтаж» - мы стояли жилые дома, Дом моды на Садовой, Дом быта на Буденовском. В 1970 году я организовала встречу бывших студентов, собрала более 120 сокурсников. Встреча была радостная, со слезами на глазах. Мы вспоминали годы учебы в военное время.

Театральный парикмахер убил фашиста табуреткой...

Владислав Вячеславович СМИРНОВ, 1939 года
рождения:

В Ростове два здания, которые были восстановлены с моей помощью. Первое - это гостиница «Ростов». Напротив нее было маленькое здание, которого сейчас не осталось. Это был крупный немецкий штаб. Наши обстреливали это место, и от гостиницы «Ростов» осталась только «коробочка». Я ее восстанавливал, будучи студентом. Мы поднимались наверх, таскали песок, щебень, кирпичи. Это было в начале 60-х годов одновременно с этим строился стадион «Ростсельмаш», у меня даже есть фотография на субботнике.

А второе: принимал участие в восстановлении здания театра Горького. Более того, когда в 1963 году его ввели в строй, я написал в газету «Комсомолец» репортаж о первом спектакле. У меня даже есть эта вырезка. Хорошо, что театр не стали восстанавливать после войны быстро – он остался таким, каким был. Если бы его отстроили раньше, его бы совершенно видоизменили. Были проекты с колоннами, башнями, театр бы мы потеряли. Где бы я ни жил, везде сталкивался с темой войны. Люди рассказывают мне потрясающие истории, которые я описал в книге «Ростов под тенью свастики». Есть две версии разрушения театра: его мог подбить наш бомбардировщик, но вероятнее всего он пострадал от немецкой зондеркоманды, которая уничтожала здания при отступлении из Ростова. Один немецкий солдат дезертировал и скрывался в подвале дома, который напротив театра. Он фотографировался, у него остались снимки.

У немцев был большой бункер на Театральной площади, там они что-то проводили. И был парикмахер, который готовил артистов к выходу и одновременно играл фашистских офицеров. Он задумал убить одного фашиста бритвой. Такая возможность у него была – полоснул бы по горлу и все. Но он не стал действовать так, он ударил его табуреткой по голове и спрятался где-то в подвалах театра. Это было уже накануне прихода наших в Ростов – во время оккупации этого бы никто не сделал. Когда он выбрался, у него спросили, почему он не стал делать это бритвой. Парикмахер ответил: «Я бритвой работаю, это мой рабочий инструмент, я ее уважаю, и не мог его запятнать убийством палача». Была еще одна история. Немецкий солдат, был потрясен пожаром театра и потом написал картину и из Германии его потом привезли, она хранится в музее театра.

Лев Рябинин.

- **Лев Рябинин поднялся, вытирая с лица кровь и пыль, двинулся туда, где гремело «Ура». Бой продолжался на подступах к Александровке. А когда он затих, командир батареи крепко пожал руку мужественному разведчику-артиллеристу. За мужество и героизм в этом бою Лев Рябинин был награжден орденом Красного Знамени. Через несколько дней ему пришлось по ранению временно покинуть свое подразделение. Прощаясь, он подарил своим однополчанам записную книжку. На первой странице рукой Рябинина были написаны слова великого русского писателя Л.Н. Толстого: «На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя... Придет та роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела».**
- **...Такие искры загорались в сердцах многих бойцов и командиров в дни Великой Отечественной войны.**

«Возвращайтесь, Родина вас ждёт!»

- **Клавдия СИСЮКИНА (в девичестве МЕЩЕРЯКОВА)** в годы Великой Отечественной войны оказалась в фашистской Германии, где в течение трёх лет находилась на принудительных работах и содержалась в лагере нацистов для несовершеннолетних узников Сангофен. Во время отправки на чужбину ей ещё не было и 16 лет. Сейчас Клавдии Ивановне 84 года. Она ведёт здоровый образ жизни, регулярно делает зарядку, много двигается. За участие в антифашистском сопротивлении непокорённых узников фашизма она награждена памятной медалью «За верность Родине».

В вагонах для телят

- Тяжело вспоминать перенесенные мною и моими сверстниками страдания, которые выпали на нашу долю в те трагические годы моей жизни. **Но мы выжили!**
- В июле 1942 года Ростов был оккупирован гитлеровскими захватчиками. поголовному уничтожению в городе были подвергнуты еврейские семьи. Тяжёлая участь ждала оставшихся в городе подростков. Фашисты, опираясь на местных предателей (полицаев), сформировали списки молодёжи, подлежащей отправке в Германию в рабство. За неявку на сборный пункт грозила смерть. Людей везли в эшелонах в телячьих вагонах и закрытых замками под охраной автоматчиков. Накануне отправки в Германию подростков с фамилиями, начинающимися на букву «М», (моя девичья фамилия Мещерякова) я не подчинилась требованию полицака Ивана Братченко о явке на сборный пункт.

- Босиком я пошла в село Мокрый Батай Аксайского района. Моя мать, оставшаяся с малым ребёнком на руках, дала мне старые вещи, чтобы поменять на хлеб. С разбитыми и опухшими от длительной ходьбы ногами мы с другими женщинами ночевали несколько дней в каком-то сарае, бродяжничали. Наступили осенние холода. После долгих скитаний, устав от голода и холода, простуженная, я возвратилась домой во 2-ой посёлок Орджоникидзе. В это время была уже отправка в Германию людей с фамилиями на букву «Х». При очередной проверке нашего дома, меня сразу же обнаружил полицейский и приказал, чтобы 8 октября я была на товарной станции. «Дядя Ваня!» — умоляла я полицейский, — не отправляйте меня, я ещё маленькая!». «Ничего, подрастёшь в Германии!» — сказал полицейский.
- И вот нас повезли в Германию. На одной из остановок из соседнего вагона выпустили ребят, чтобы сходили в туалет. Один подросток ушёл далеко от вагона, а потом бросился бежать в поле. Полицейский начал кричать «цурюк-цурюк» (назад), но мальчик не останавливался. Тогда полицейский выстрелил в него очередью из автомата и убил его наповал. Вскоре поезд тронулся в путь, а убитый остался лежать в поле.

Побои и слёзы

- В Польше на фильтрационном сборном пункте нам устроили дезинфекцию тела и вещей с использованием специальных химических средств, обливали нас с головы до пят и смеялись над нами. Дезинфекцией тела занимались взрослые мужчины-поляки, которые били девочек по голым задницам и говорили, - «хороша русская Маруся». Обращение было дикое и унижительное.
- Из Польши нас привезли в концлагерь «Дахау», где мы были подвергнуты фильтрации, строгому медицинскому осмотру каждого и где разделили нас на группы. Я попала в группу, которую отправили в г. Мюнхен.
  - Привезли нас в г. Мюнхен, поместили в большое помещение на первом этаже и кругом этого помещения изгородь, из-под этой изгороди мы выглядывали, а немцы, проходя мимо останавливались, рассматривая нас, малолетних пленников, что-то говорили между собой и смеялись. В этом здании мы находились с неделю, так как был проведен повторный осмотр, приходили господа и дамы немцы и отбирали себе дом работников, кого-куда. Оставшихся 15-20 человек, которых никто не брал, в том числе и меня отправили на фабрику «Декель-Сименс» г. Мюнхен, лагерь № 25.

ВОДА ТОЛЬКО ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ

РУССКИЕ БЕРУЩИЕ ОТСЮДА ВОДУ БУДУТ РАЗСТРЕЛЯНЫ

ВОДА ДЛЯ РУССКИХ НА ДРУГОЙ
СТОРОНЕ

СЕЛ КОМАНДАНТ

Здесь были взрослые и малолетние из разных городов (Полтава, Смоленск, Мариуполь, Ростов-на-Дону). В этом лагере находилось много деревянных бараков, где нас содержали, бани и других элементарных условий жизни.

Условия жизни и работы узников тяжело вспоминать. В подвальном помещении была столовая. Кормили нас один раз в сутки, варили брюкву, шпинат и капусту в котле, в котором плавали черви, в редких случаях был картофель. Каждому узнику на неделю выдавали батон чёрного хлеба, но из-за сильного голода мы его съедали сразу за один-два дня, а потом надеялись на Бога. Завтрак был нам не положен, и ужин не положен. На работе у меня часто ломалась иголка станка, на котором я сверлила отверстия в деталях, иногда я её ломала умышленно. Мастер — «шестиголовый змей» — так мы его называли, менял иголку, но она ломалась снова и снова. Он злился и избивал меня.

После очередных побоев я со слезами уходила в туалет и уклонялась от работы, сидела по 20-30 минут, пока мастер не выгонял меня криком или выталкивал силой, схватив за шиворот, и давая пинки и подзатыльники. Были случаи, когда я, набрав изготовленные мною мелкие детали, тайно уносила и высыпала их в туалет, но не разу не попалась.

Однажды, это было в конце 1942 года в городе Мюнхен нас, несовершеннолетних , обутых в деревянные колодки и взрослых женщин привели под охраной в какое-то одноэтажное помещение, где на стенах были картины. Один военный в немецкой форме , хорошо владеющий русским языком обратился к собравшимся и заявил, что он является представителем Власовской Русской освободительной армии и просит девушек и женщин подходить и записываться в эту «освободительную армию» , чтобы служить санитарками, медсестрами. « Война уже завершена! Советский Союз занят немецкими войсками! Скоро будет взята Москва и Советский Союз проиграл войну!» – убеждал нас представитель Власовской армии.

Однако мы не поверили в эту пропаганду. Нас построили и под конвоем повели обратно в лагерь.

По мере приближения наших войск к границе фашистской Германии режим содержания в лагере № 25, который был расположен на окраине леса, был ослаблен и нам разрешали выходить за ограду. Как-то, находясь за территорией лагеря, ко мне подошел парень, лет 30, по имени Леонид, житель Полтавы, и попросил постирать ему рубашку, на что я согласилась, заявив, что у меня нет мыла. После выполнения первого поручения, Леонид предложил мне поехать с ним в одно место. Он вручил не какой-то пакет с документами, который я спрятала под кофточку, Леонид предупредил меня, чтобы я в пути не подходила к нему и шла на расстоянии вслед за ним. Мы сели в электричку, я стояла в тамбуре, скоро мы приехали в какой-то населенный пункт. Леонид зашел в помещение (напоминающее пивную), где сидели немцы, пили пиво (видимо, это были антифашисты) они начали оживленно кричать- «Леня! Леня!». Леонид забрал у меня пакет с документами и предложил одному посетителю сопроводить меня обратно до г. Мюнхена. Вскоре на столбе возле лагеря, я увидела фотографию знакомого Леонида с объявлением о его розыске и выплате 10 тысяч марок вознаграждения тому, кто укажет его местонахождение. Я поняла, какой опасности мы подвергали себя при доставке пакета.

Больше Леонида не видела, но хотела бы знать о его дальнейшей судьбе.

Тайно приносил нам одежду

- Среди немцев были люди и доброй души, которые сочувствовали нашим страданиям. В моей памяти остался немец лет 50 (имени его я не знаю). Он потерял на восточном фронте единственного сына и очень переживал. Утром, поднимая нас на работу, он тихо говорил: «Майне либен киндер, ауфштейн, ауфштейн». («Мои любимые дети, вставайте, вставайте».) Подвергая себя опасности, тайно приносил нам одежду. В его голосе звучала отцовская просьба подниматься. Подвергая себя опасности, он тайно приносил нам одежду б/у и говорил- « Дойчланг капут» (Германии конец).

1941-1945

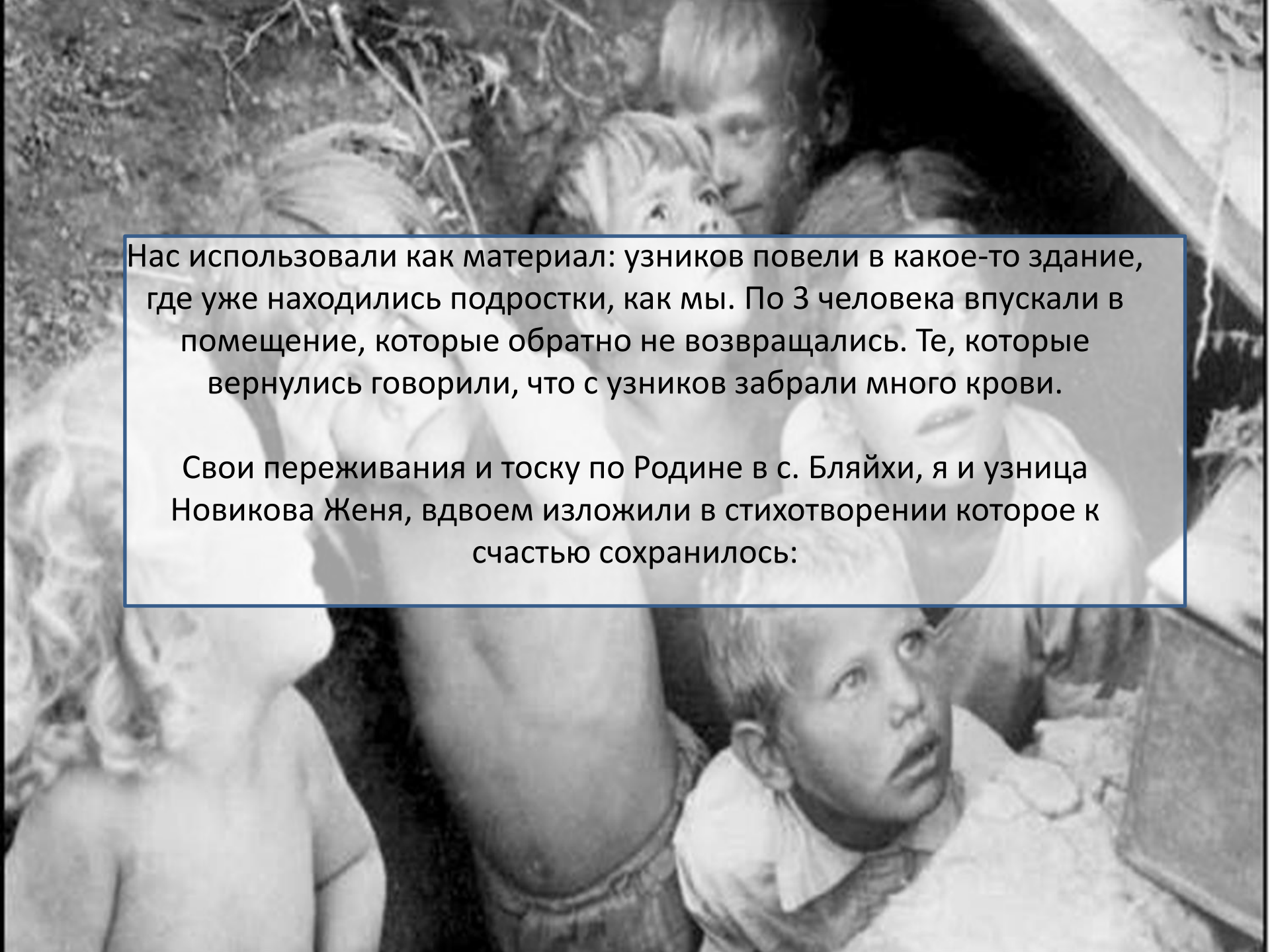

Господь всегда меня берёг, давал хоть какую-то возможность выжить. Помню, как после очередного унижения нашего начальника (дразнил изголодавшихся рабочих бутербродом с колбасой) я, рыдая, выбежала из цеха. Мимо проходил незнакомый немецкий мальчик. Сунул мне в руку какой-то свёрток, сказал: «Завтра, на этом же месте» и, не останавливаясь, пошёл дальше (за межнациональные разговоры немцев сажали в тюрьму, а русских сразу расстреливали). Спрятавшись за мусорные баки, я развернула свёрток и увидела в нём два бутерброда! Так, меня некоторое время подкармливал этот незнакомый немецкий мальчик.

Примерно в июле или в августе 1944 года, американские самолеты разбили Мюнхен и превратили его в руины, а наш деревянный лагерь был сажён, фабрика разрушена. Мы чудом остались живы и не сгорели. Нас отправили в село Бляйхи. Поработав немного в Бляйхи, не выдержав издевательств мастера, я совершила первый побег с охраняемой территории в Мюнхен. При выходе из трамвая (видимо, по внешности) меня задержал немец и привез в полицейский участок для проверки, затем меня привезли обратно в лагерь с. Бляйхи, где начальник лагеря нанес мне несколько ударов култышкой (пальцев у него не было) и посадил в карцер с маленьким окошком под потолком, где продержал 5 дней без пищи. Однако, меня это не сломило, наоборот, вызвало ещё большую ненависть, и я вновь с наивной надеждой готовлюсь к новому побегу, чтобы вырваться на свободу. Одна девушка по имени Анна из Полтавы, с которой я работала, не выдержав условий содержания, повесилась на дереве и нам разрешили ее похоронить.

Нас использовали как материал: узников повели в какое-то здание, где уже находились подростки, как мы. По 3 человека впускали в помещение, которые обратно не возвращались. Те, которые вернулись говорили, что с узников забрали много крови.

Свои переживания и тоску по Родине в с. Бляйхи, я и узница Новикова Женя, вдвоем изложили в стихотворении которое к счастью сохранилось:

Детство узника.

Завезли меня в края чужие,
И лишили матери родной,
Погубили детство дорогое,
Разлучили Родина с тобой.

Окружают нас большие горы,
А в лощине, узников барак,
Зверские здесь установлены порядки,
Все они для русских, для девчат.

Фабрика у нас большая,
И к тому же беспощадная она,
Целый день, так силы отбирает,
Что к концу полуживая я.

На обед дадут нам три картошки,
Брюквой называется гарнир,
Сил у нас немножко,

До Победы выжить мы хотим!
В восемь вечера в бараки запирают,
Загоняют, как овец,

А под утро рано поднимает,
На работу лагерный «Овец».

За OST бьют и унижают,
На режим сажают в цементный мешок,
Лагербфюрер всех рабов считает,
Беззащитным детям дали срок.

Где мой дом, где мамочка родная?

Где учеба, школьные года?
Далеко ты, Родина родная,
О тебе мечтаю я всегда!

В ноябре 1944 года вместе с подругой Соней в конце ночной смены, я совершила второй побег с целью уехать в Мюнхен. Мы добирались до вокзала города Именштат и попросили французов, чтобы они купили нам билеты.

Однако, по неопытности, мы сели не на Мюнхенский поезд, а на другой, где мы были снова задержаны и доставлены в полицию, а затем доставлены в с. Бляйхи.

Вначале меня избили, а потом отвели меня в г. Сайтгофен в гестаповскую тюрьму, где меня посадили в одиночную камеру. В последний день заточения (это было в конце апреля 1945 года), я услышала крики людей в коридорах тюрьмы- « Выходите! Выходите! Мы свободны! Мы свободны!».

Все двери камер узников были кем-то открыты, истощенные, измученные голодом, но оставшиеся в живых, выходили и плакали от радости и не верили, что мы на свободе

Выйдя из гестаповской тюрьмы, я возвратилась обратно в свой лагерь с. Бляйхи- это было 1 мая 1945г.

Там кругом уже были американские, французские и английские войска. Фабрика «Декель-Сименс» уже не работала, а начальство разбежалось, но одного задержали.

Я вошла в помещение, куда шли все узники, и увидела, как на табуретке стоял один немец со связанными руками , на шею ему повесили венок из веток и бурьяна, и ленту из почтовых марок с портретом Гитлера. Стоявшие, специально в очереди в полосатой форме, освобожденные узники, проходили мимо фашиста и каждый , у кого были силы старались его ударить рукой, веткой в лицо...

- **Врачи из Соединённых Штатов провели медосмотр, все раны на моём теле смазали какой-то мазью, завернули меня в простынь, дали мне лекарство — за помощь я им очень благодарна. Следы ран полученных в гестаповских застенках сохранились на моём теле до настоящего времени.**
- **Измученным голодом узникам американцы начали выдавать небольшие пакеты с продуктами. В пакете находились: печенье, две банки мясных консервов, шоколад, папиросы, жевательная резинка, бумажные салфетки... Увидев впервые жвачку, мы не знали, что с ней делать, некоторые её сразу глотали, а другие выбрасывали, так как боялись отравиться. Потом выяснилось, что её надо было просто жевать.**

После объявления окончания войны, те, кто сотрудничал с нацистами, под разным предлогом, пытались скрыть свое прошлое... в памяти сохранился такой эпизод: это было в конце мая 1945 года. В американской зоне в с. Бляйхи, в которой был ранее лагерь для содержания узников, откуда нас освободили американцы. Вместе с группой освобожденных женщин, я находясь на улице возле какой-то столовой, где мы чистили картофель. К нам подошел солдат в немецкой форме, который умоляющим, просящим голосом обратился к нам на русском языке- «Женщины! Помогите! Спасите меня! Дайте мне хоть какую-нибудь одежду, переодеться или спрячьте меня!!»- «Ты откуда?»- спросили женщины. « Я с Украины». Русские женщины нашли солдату грязную рабочую одежду. Он быстро оделся, поблагодарил слезами и исчез. Кем был этот солдат и как он оказался в зоне уже занятой американскими войсками- я не знаю.

В какой автобус сесть

- И вот пришла пора возвращаться к мирной жизни. Собрав всех узников, представитель Соединённых Штатов заявил: «Если вы вернётесь на Родину, вас будут судить как предателей. Ваша вторая родина —это Америка!». Он предложил садиться на прибывшие американские автобусы. В это время на сборный пункт прибыли наши автобусы из советской зоны.
- Прибывший представитель нашей страны предложил советским узникам садиться в свои автобусы. Некоторые в растерянности плакали, метались от одного автобуса к другому. Сильное воздействие на нас оказало выступление высокого молодого офицера Советской Армии, который кричал: «Возвращайтесь домой! Вас ждёт Родина! Вас ждут родители! Вас ждут малые братья, сёстры! Война закончилась! Мы победили!».

- Нас привезли в советскую зону на фильтрационный пункт, где после проверки меня взяли на работу в войсковую часть № 75379 (база полевого Военторга) и приняли на должность ученицы-счетовода.
- Здесь я вышла замуж, а через год по семейным обстоятельствам уволилась и прибыла в Ростов. Родила и воспитала четверых детей, сейчас у меня 10 внуков, являюсь ветераном труда.
- Желаю дожившим до наших дней ветеранам войны, бывшим узникам фашистских концлагерей и труженикам тыла здоровья, силы духа, внимания и заботы близких и государства.
- Обращаюсь к молодому поколению ростовчан: помните, что наши ветераны не только победили фашизм, но и вновь отстроили города, жильё, дороги, совершили великие открытия, которыми вы сегодня пользуетесь. Берегите Россию и преумножайте славу и её трудовые достижения!
- Да хранит вас Бог!

Сейчас мне 84 года. Веду здоровый образ жизни и держу себя в форме.

Регулярно делаю индивидуальные физические упражнения. Питаюсь два раза в день, в еде я не прихотлива. Много двигаюсь, хожу. К врачам обращаюсь очень редко. Лечусь народными средствами.

Несовершеннолетний узник фашизма,
ветеран труда,
тел. дом. 273-09-64,
г. Ростов-на-Дону, пер. 4-й Хоровой 6.(Лестничество)

ПОМНИТЕ....

Мы не должны забывать, какой ценой была достигнута наша победа, какой ценой был сохранен мир. Нашему поколению стоит брать пример с еще живых, и почитать уже ушедших от нас героев Великой Отечественной войны. Они подарили всем нам будущее. А без знания своего прошлого, никогда не будет будущего. Вечная память героям Великой Отечественной войны, и огромное спасибо им. Это меньшее из того, что можем сделать мы для них!

ПОМНИТЬ!

